

(Кто-кто, а лжесвидетели нередки).
Мужей я допекала небылицей
И, словно бешеная кобылица,
Лягалась, ржала и кусалась так,
Что всех отпугивала, а впросак
Попавши, огрызалась каждый раз.
Без этого, наверное, тотчас
Меня б мужья в проделках уличали,
А так моих грехов не замечали.
«Кто первым хлеб сожнет, тот первым смелет».
Я первой нападала, билась смело,
С налету я выигрывала бой,
Они же каялись передо мной
В таких грехах, которыми с рожденья
Не согрешили даже в помышленье.
Мой муж, бывало, от болезней чах,
А я его во плотских всех грехах,
В гульбе, в разврате гнусном упрекала.
И вот старик бывал польщен немало,
Воображая, что, любя, ревную
(Как раз любить развалину такую!).
Когда ж я ночью покидала дом,
Чтоб позабавиться с своим дружкой,
И приходила утром спозаранку,
Мужей я уверяла, что служанку
Выслеживаю я и сторожу,
Что для того и мужа не бужу.
Эх, позабавилась я в жизни вволю!
У нас, у женщин, уж такая доля.
Мы слабы, правда, но господь взамен
Нам даровал коварство для измен,
Обман и слезы. Мы оружием этим
Мужскую силу оплетем, как сетью.
И если хвастать, так одним могу
Похвастаться что другу, что врагу:
Во всяком деле хитростью иль силой
Всего добьюсь, что мне угодно было.
Все исполнять старались муженьки.
Из них веревки, словно из пеньки,
Могла я вить; брюзжаньем, воркотнёю
Я допекала их порой ночью,
Отказывая в милостях, пока
Не открывали тут же сундука,
И лишь тогда, за малую толику,
Ложилась я, к их радости великой.
Вам говорю, так исстари ведется:
«Купи, коль можешь, – все ведь продается»
И сокола приманишь на вабило.
Взяв верх, лгала, что мне их ласки милы,
Лишь для того, чтоб похоть их продлить,
Но жажды невозможно утолить
Копченым окороком из Дэнмау.
Мне было старичков, конечно, мало.
И хоть сам папа будь за их столом,
Еще посмотрим, их ли это дом;